что оно искренно; однако, оно вовсе не соотвѣтствуетъ складу его жизни. Въ своемъ исповѣданіи вѣры опъ говоритъ о переворотѣ, который произвело въ немъ Евангеліе, заставившее его почувствовать отвращеніе къ тому, что считалъ прежде возвышеннымъ, прекраснымъ, достойнымъ уваженія, — къ богатству, почестямъ, разнообразнымъ усладамъ жизни, и полюбить все скромное, неизвъстное, словомъ, мужичество. Такъ ли это? Простота въ одеждъ и, отчасти, въ пищъ и посвящение небольшого количества времени земледъльческимъ и ремесленнымъ работамъ еще недостаточны, дабы говорить о любви къ мужичеству: все это не занимаетъ главнаго мъста въ жизни Толстого. Какъ до исповеданія веры центромь жизни были для него не развлеченія, не одежда великосвътскаго покроя, а художественное творчество, такъ, послъ нахлынувшей волны покаянія, главное мъсто заняли не пахота, не шитье сапогъ, а діятельность публициста и проповъдника. Просматривать множество книгъ, уловлять теченія, нарождающіяся въ литературъ и политикъ, писать статью за статьей, очеркь за очеркомъ, сказку за сказкой, громить современность, подавать совъты, способные обновить частную и общественную жизнь—вотъ что наполняетъ время Толстого за послѣд-нее 30-лѣтіе. Въ чемъ же здѣсь мужичество? О немъ могла бы быть рвчь только въ томъ случав, если бы Толстой цвликомъ или, по крайней мъръ, въ главныхъ чертахъ усвоилъ жизнь простыхъ людей, отдавалъ физическому труду большую часть своего времени, относился равнодушно къ общественнымъ вопросамъ и новостямъ литературы, читалъ очень мало и выбиралъ для чтенія приблизительно то, что выбираютъ крестьяне. А потому неизбѣжно признаешь его смиреніе совсѣмъ ненужнымъ и невольно отм'втишь сильное преувеличение въ томъ, что онъ говорить о своей любви къ простонародному быту. Такая любовь къ мужику произрастаетъ особенно усп'вшно на почв' утонченнаго эпикурейства.

III.

Многими изъ своихъ странныхъ мыслей и томительно однообразныхъ совътовъ Толстой обязанъ тому, что упускаетъ изъ вида неудержимое стремленіе человъка сохранить индивидуальность.

Люди хотятъ возможно полно развить силы, которыя вложила въ нихъ природа. Чъмъ ярче личность, тъмъ труднъе подчинить